

Н.П. Дашкевич

**Княжение Даниила
Галицкого по русским и
иностранным известиям**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.П. Дашкевич**
Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям / Н.П.
Дашкевич – М.: Книга по Требованию, 2021. – 164 с.

ISBN 978-5-518-06418-8

ISBN 978-5-518-06418-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КНЯЖЕНІЕ ДАНИЛА ГАЛИЦКАГО, по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ.

(Сочиненіе студента историко-филологическаго факультета Николая Дашкевича, удостоенное золотой медали).

„Начнемъ спасати бесчеловѣчныя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многыя крамолы, и частая постанки, и многыя мтежи, измлада бо не бы има покои“.

„Дятлоу по Ипатьскому списку“, г. 1227.

„Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый“.

Ibid. г. 1264.

До второй четверти XIII стол., въ теченіе двухъ почти вѣковъ, Россія представляла собою федерацію всѣхъ отдѣльныхъ земель, и жизнь вездѣ шла одинаково. XIII вѣкъ ознаменовался разрывомъ этого единенія, при чемъ каждой изъ вполне обособившихся частей Руси достался особенный жребій. Въ югозападной Руси поворотъ на новую дорогу обозначился задолго до татарскаго нашествія, которое почти всѣ ученые принимаютъ, какъ грань двухъ различныхъ періодовъ русской исторіи, именно—съ самаго начала Даниловой дѣятельности¹⁾; въ княженіе же Данила вполне выработались и условія новой жизни. Такимъ образомъ, княженіе его представляетъ совершенно отдѣльную, весьма важную эпоху въ исторіи всей югозападной Руси. Прибавимъ, что эта эпоха во многихъ отношеніяхъ была одною изъ самыхъ блестящихъ.

Вотъ чѣмъ выдѣляется княженіе Данила изъ множества другихъ княженій и вотъ почему заслуживаетъ особеннаго вниманія.

¹⁾ Читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго изложенія, что всѣ перемѣны, которыя мы отмѣчаемъ въ княженіе Данила, начали проявляться до татарскаго нашествія и независимо отъ него,

Обращаясь къ ученымъ трудамъ, касающемся этого времени, отнесясь къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ, мы должны однако сказать, что не находимъ въ нихъ обстоятельнаго и отчетливаго указанія существенно важныхъ явленій этого княженія и всесторонняго опредѣленія его значенія. Они заняты, главнымъ образомъ, изложеніемъ политическихъ событій въ болѣе или менѣе послѣдовательно-хронологическомъ порядкѣ.

Но, и съ ихъ точки зрѣнія, эти труды не могутъ быть названы вполне исчерпавшими предметъ. Это произошло вслѣдствіе того, что въ нихъ или мало, или недостаточно обращено вниманія на доступный изслѣдователю иностранныя извѣстія. Галицко-волынская лѣтопись ¹⁾, которою они пользовались по преимуществу, составляетъ драгоценнѣйшій матеріалъ, потому что: 1) находящаяся въ ней свѣдѣнія сообщены лицами современными ²⁾, изъ которыхъ нѣкоторыя, быть можетъ, при-

¹⁾ Такое мы принимаемъ названіе для начинающагося съ 1201 г. отдѣла лѣтописи, извѣстной обыкновенно подъ именемъ Ипатьевской.

²⁾ Въ части ея, обнимающей Даниилово время, легко безъ особеннаго углубленія замѣтить выстѣ съ Н. И. Костомаровымъ (см. его «Лекція по русской исторіи, ч. I. Спб. 1861», стр. 50—51) распаденіе на два отличныя и потому принадлежація разнымъ лицамъ повѣствованія. Второе начинается послѣ находящагося во всѣхъ спискахъ перерыва вслѣдъ за рассказомъ о первомъ нашествіи Бурандая (съ 561 стр. по новому изданію подъ заглавіемъ: «Лѣтопись по Ипатскому списку», Спб. 1871) и написано во Владимірскомъ княжествѣ, или вообще лицомъ интересующимся и преданнымъ князьямъ Владиміра Волынскаго. Оттого въ немъ сказано такъ мало о Даниловой дѣятельности послѣ Бурандаева нашествія и объ его смерти, а такъ кратки похвалы ему, чего бы не было, еслибы продолжалъ писать тотъ авторъ, которому принадлежитъ все предшествующее; напротивъ, на первомъ планѣ Даниловъ братъ Василько. Авторъ первой части такъ ревниво относится къ своему герою, что, постоянно называя Данила княземъ до его коронованія, со времени послѣдняго всегда титуловалъ его королемъ; авторъ же второй части отступаетъ отъ этого (см., напр., «Лѣт. по Ип. сп.», которую мы съ этого времени всегда будемъ обозначать *Ип.*, стр. 562, вар. 1 и 5 и прим. *); стр. 567, строки 9 и 31; 590, вар. 1 и прим. **); конечно, это мелочной признакъ, но его нельзя оставить безъ вниманія. Во второй части рассказъ не носитъ характера непрерывнаго повѣствованія, а приближается, особенно подъ конецъ, къ чистой лѣтописи. Нельзя не замѣтить также значительнаго различія въ языкѣ (даже термины другіе; Владимірецъ сказывается въ употребленіи названія «Сань» вм. «Сянь» (Ип. 588, 591; сл. 529, 532, 533), въ пріемахъ рѣчи, Всѣмъ сказаннымъ мы не думаемъ утверж-

нимами даже весьма дѣятельное участіе въ описываемыхъ ими событіяхъ¹⁾, были близки къ Данилу, постоянно при немъ пребыва-

дать, что только двумъ лѣтописцамъ принадлежитъ рассказъ о занимающемъ насъ времени; мы говоримъ только, что несомнѣнно составленіе его не однимъ лицомъ, и не отвергаемъ того, что первая часть, въ свою очередь, могла выдти изъ-подъ пера нѣсколькихъ лицъ, или быть сюжетною *однимъ* лицомъ *по нѣсколькимъ* извѣстіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы отъ одного лѣтописца вышелъ рассказъ, обнимающій 54 года и во всемъ своемъ теченіи отличающійся полнотою и подробностями, вездѣ указывающими на автора-современника (въ началѣ только пропущены нѣкоторые факты, находящіеся въ другихъ лѣтописяхъ); упоминаются даже цвѣта коней (Ип., 491, 515) и ихъ качества (ib., 498). На то, что эта часть была проредактирована *однимъ* лицомъ, жившимъ въ позднѣйшее время, указываютъ упоминанія при случаѣ вещей, имѣвшихъ мѣсто не особенно скоро послѣ того времени, о которомъ говорить лѣтописецъ. Наприм., подъ 1207 г. мы встрѣчаемъ: «...ложе *нынѣ* святу нарѣчаютъ, именемъ Альжьбытъ, преднее бо имя ей Кянека: много бо послужи Богови по мужи своему и *святу нарѣчаютъ*» (Ип., 484); а эта Елисавета умерла въ 1231 г. (Periz. Monumenta Germaniae historica. Scriptorum t. XVIII. Hannoverae MDCCCLXVI. P. 547.³⁰; 699.⁴⁰), канонизована въ 1238 г. (ib., p. 552.³⁰; другія показанія ib., 632—633.²⁰; 691.³⁰), родилась въ 1207 г. (ib., p. 700.³⁰). Говоря подъ 1213 г. объ убіеніи Клина Хрестинича, лѣтописецъ прибавляетъ: «его крестъ и *доннынѣ* стоять на Сухой Дорогви» (Ип., 490). Подъ 1217 (вм. 1221 г.) читаемъ: «Богу же того не герпящю, во ино время убьенъ бысть Даниломъ Романовичемъ древле прегордый Фила» (Ип., 492), а это случилось въ 1245 г. Сообщая подъ 1255 г. о сожженіи Стѣкинтова дома, лѣтопись замѣчаетъ: «аже и донынѣ пусто стоять» (Ип., 549). Тѣмъ же, вѣроятно, редакторомъ включено въ лѣтопись и сказаніе о Романѣ; думать такъ заставляютъ слѣдующія его слова: «По великомъ бо князѣ Романѣ, никтоже не бѣ воевалъ на нѣ въ Рускихъ князихъ, развѣ сына его Данила... якоже сказахомъ о ратяхъ многихъ си же написахомъ о Романѣ: *древле бо (бѣ) писати си, нынѣ же здѣ вписано бысть в постѣняя*» (Ип., 554). Предполагаемый нами редакторъ несомнѣнно зналъ Данила и жилъ не позже его. Отдѣльныя сказанія, занесенныя въ эту часть галицко-волинской лѣтописи, принадлежатъ ей, этому краю и этому времени. День перехода Двѣбра русскимъ ополченіемъ въ 1224 г. обозначенъ только въ сказаніи, находящ. въ галицко-волинской лѣтописи: «перседоша же Двѣбрь во день во вторникъ» (Ип., 496). Сл. о нихъ К. Н. Бестужева-Рюмина «О составѣ р. лѣтописей до конца XIV в.», стр. 154—155. Упомянемъ здѣсь о томъ, что, по мнѣнію Д. И. Зубрицкаго («Исторія древняго Галицко-русскаго княжества», ч. III. Львовъ 1855), стр. 99, прим. 78), событія около 1226 г. по Ип. сп. описаны Мстиславовымъ (Удалаго) духовникомъ Тимошеемъ.

¹⁾ Нѣкоторые думаютъ, что лѣтопись писана духовными лицами

ли¹⁾; замѣтимъ при этомъ, что отъ такой близости правда не пострадала,

(напр., такого мнѣнія держался Н. В. Лашниковъ. Унив. Изв. 1872, № 5). По нашему убѣжденію, вѣрнѣе другое предположеніе, приписывающее составленіе ея свѣтскимъ лицамъ; его держится, между пр., и Н. И. Костомаровъ («Лекціи», 48); особенно убѣдительно оно развито въ статьѣ (г. Знаменскаго?): «Обзоръ р. лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ», помѣщенной въ «Прав. Собес.» 1860, № 4 (стр. 408—413). Въ пользу его говорить: полное погруженіе и душевное участіе писателя въ разсказываемыхъ имъ событіяхъ, подробності на каждомъ шагѣ, изобличающія человѣка, сидѣвшаго не въ келліи, сочувственное изображеніе военныхъ дѣйствій и вообще воинской храбрости, второстепенное положеніе церковно-историческаго элемента, немногочисленность правоучительныхъ сентенцій. Въ одномъ мѣстѣ есть прямое указаніе на свѣтскость писателя и участіе въ занесенныхъ въ лѣтопись происшествіяхъ: «онѣмъ (ѣ) же *позоровавшимъ насъ*, говоритъ лѣтописецъ, и ехаша Угрево станы своя» (Ип., 500). Можетъ быть, нѣкоторые мѣста принадлежать и духовнымъ лицамъ; такъ, однажды лѣтописецъ приписываетъ успѣхъ Данила св. Николаю, а спустя нѣкоторое время, когда Данилъ не могъ взять Звенигорода, она объясняетъ этотъ неуспѣхъ слѣд. образъ: «города же хотица и нѣ взяста: бѣ бо святая Богородица въ немъ чудная икона» (Ип., 517); въ такомъ случаѣ эти лица принадлежали къ бѣлому духовенству.

¹⁾ Первая большая часть галицко-волынской лѣтописи, касающейся разсматриваемаго нами времени, прямо можетъ быть названа частною лѣтописью, занимающеюся Данииломъ. Лѣтописи слѣдили обыкновенно за князьями съ того времени, когда они выступали въ качествѣ дѣятелей; разбираемый же нами памятникъ съ самаго начала сосредоточиваетъ повѣствованіе около судьбы малолѣтнихъ Романовичей, на нее, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе, а потому дважды прямо заявляетъ, что ея предметъ—*ихъ* исторія [въ первый разъ—словами, поставленными нами въ качествѣ эпитафия: «начнемъ сказати...»; во второй разъ повторяетъ нѣсколько фразъ изъ этой тирады: «Посемъ скажемъ многій мятежь, великии ясти, бециселени рати» (Ип., 508)]. Во всемъ разказѣ видна глубокая любовь и уваженіе къ Данилу. Лѣтописецъ ликуетъ при его побѣдахъ, старается не пропустить ничего замѣчательнаго, постоянно желаетъ показать, что это были особенный человѣкъ, не любить его враговъ, обличаетъ ихъ недостатки, главныхъ изъ нихъ—галицкихъ бояръ называетъ «безбожними», «нечестивыми», «нечѣрными», а противъ одного вельможи раздражается проклятѣемъ въ цѣлой тирадѣ (Ип., 499). Каждый успѣхъ Данила онъ приписываетъ помощи Божіей и постоянно внушаетъ читателю, что Данилъ находился подъ Божіею охраной. Вотъ какъ, напр., говоритъ онъ объ одномъ нападении Венгерскаго короля: «Видѣшу же ему во горы Угорьскыѣ, посла на нь Богъ архангела Михайла отворити хлѣби небесныи конемъ же потонающимъ и самѣмъ возбѣгающимъ на высокая мѣста,

чего не видимъ, наприм., у Кадлубка ¹⁾; 2) эта лѣтопись состоитъ не изъ сухихъ, отрывочныхъ погодныхъ записей разнообразнѣйшихъ собы-

оному же одинако устремившия прияти градъ и землю... Богъ понусти на нѣ рану Фараонову... Богъ бо понустилъ бѣашеть рану, апелъ бѣашеть ихъ... унедишю же ему за невѣрство бояръ Галицкихъ, Даниль же, Божьею волею, одержа градъ свой Галичъ» (Ип., 508—509). Нѣкоторые признаки наводятъ на мысль, что эта лѣтопись не была лишена официальности. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ имѣлъ подъ руками договоръ Данила съ Белою IV, но не вписать его по его пространности (Ип., 545). И. Д. Бѣлиевъ («Временникъ М. О. И. и Др. Р., V, ст. »О развѣхъ видахъ русскихъ лѣтописей», стр. 9) видитъ слѣды официальныхъ лѣтописей въ описаніи многихъ мятежей и ратей въ Галицкой землѣ съ 6738 (1230) по 6743 (1235) г. Авторъ указанной нами статьи въ «Прав. Собес.» обращаетъ вниманіе на постоянныя перечисленія убитыхъ, именъ посольевъ, татарскихъ воеводъ, литовскихъ князей, участвовавшихъ при заключеніи мира, и проч., также видитъ, на основаніи всего этого, въ лѣтописи доказательства всенія въ югозападной Руси официальныя временники и высказываетъ предположеніе, что галицко-волинскую лѣтопись «вели княжескіе писцы, подобные Федорцу, составившему завѣщаніе Владиміра Васильковича, или тому писцу, который внесъ, по повелѣнію Мстислава, крामолу Берестинъ въ лѣтопись» (стр. 413—414). Это обстоятельство еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли объ официальномъ отчасти характерѣ галицко-волинской лѣтописи Данилова времени, равно какъ и то, что лѣтописецъ этой части смотритъ на себя, какъ на хронографа, все обязаннаго записывать, и говорить объ этомъ съ важностью. Какъ бы то ни было, лѣтописецъ хвалитъ Данила искренно, а не ехъ offiсiо только, и глубоко преданъ своему дѣлу.

¹⁾ Лѣтопись желаетъ выставить съ самой лучшей стороны своего героя, но для этого прибѣгаетъ къ одной истинѣ. Иногда только она, можно сказать—неумышленно, впадаетъ въ пѣкаторую утрировку фактовъ. Такъ, по ея словамъ, посоль венгерскаго короля «възони глазомъ великомъ и рече: «слышите словеса великаго короля Угорьскаго, да не уставяеть васъ Дѣмьинъ, глаголи: изъ (ъ) смля изымить ны Богъ, ни да уповаеть вашъ Даниль на Господа, глаголи: не имать предати градъ себѣ королеви Угорьскому; толмо ходилъ на ны страны, то кто можеть одержати отъ руку мою и отъ силъ полковъ моихъ?» (Ип., 507). Когда Даниль взялъ однажды Галичъ, то Галичане, говорить лѣтописецъ, (Ип., 517—518), «пустишася яко дѣти ко отцю, яко пчелы къ матцѣ, яко жаклюци воды ко источнику». Не одно только хорошее говорить лѣтописецъ о Данилѣ въ одномъ мѣстѣ читаемъ о немъ: «пѣкое слово похвално речу, его же Богъ не любитъ» (Ип., 511). Враги Данила награждаются иногда не совсемъ лестными эпитетами, но это не мѣшаетъ лѣтописи соблюдать правдивость въ разсказѣхъ объ ихъ дѣлїяхъ. Единство то на первой части лѣтописи, по всей вѣроятности, — дѣло принимаемаго нами редактора.

тій, а носять характеръ цѣльнаго, группирующагося около извѣстныхъ личностей разсказа, отличающагося живостію, чрезвычайною полнотою и удивительною, въ сравненіи съ другими лѣтописями, пластичностію обрисовки, яркостію и рѣзкостію характеристикъ, въ чемъ ей отдаютъ справедливость и за что ее цѣнятъ всѣ ученые¹⁾. Но, при этихъ достоинствахъ, она: 1) не даетъ историкъ прямыхъ хронологическихъ указаній²⁾; 2) при всей своей обстоятельности, она все-таки не мо-

1) Сводъ мѣстній о ней, довольно полный, желающіе могутъ найти въ предисловіи А. С. Петрушевича къ галицко-вол. лѣтописи, помѣщенномъ въ его изданіи послѣдней («Волынско-Галицкая лѣтопись. Издавъ и объяснилъ А. С. Петрушевичъ. Вып. I. Львовъ, 1871»). Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ выражаетъ вотъ какой взглядъ на свое дѣло: «хронографу же нужа есть писати все и вси бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же во(з)ступати в задняя: чьтый мудрый разумѣеть» (Ип., 544).

2) Тѣ, которыя находятъ въ Ипатскомъ спискѣ (въ др. спискахъ вовсе нѣтъ означенія лѣтъ, нѣтъ также годовъ, когда, по словамъ Ип. сп., ничего не случилось. См. варианты Хлѣбник. и Погод. сп. въ послѣднемъ изд. гал.-вол. лѣтоп. на всемъ ея протяженіи; с.л. «О составѣ...» К. Н. Бестужева-Рюмина, стр. 70, прим. 2) не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія (многіе историки напрасно до сихъ поръ еще продолжаютъ обращать на нихъ вниманіе) и поставлены наугадъ переписчикомъ Ипатскаго списка, который хотѣлъ, чтобы и въ галицко-волынскій лѣтописи событія были также расположены по годамъ, какъ это онъ видѣлъ въ Кіевской лѣтописи, приписанной имъ къ галицко-волынскій (подобнаго мнѣнія, высказаннаго прежде всѣхъ Карамзинъ (т. III, прим. 113), держится и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «О составѣ...», стр. 153). Составитель лѣтописнаго сборника прямо говоритъ: «число же лѣтомъ здѣ не писахомъ» (Ип., 544). Какъ безмысленно иногда разставлялъ годы переписчикъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Первую половину одного похода онъ кладетъ въ одномъ году, другую въ другомъ (такъ, на стр. 492 одинъ и тотъ же походъ Мстислава къ Галичу отнесенъ къ 1217 и 1219 гг.; подъ 1218 же г. говорится: тишина бысть*; на стр. 512 (см. прим. ††) онъ разрываетъ и ставитъ подъ двумя годами одну битву). Собираясь говорить о бракосочетаніи Романа съ Гертрудою, онъ ставитъ опредѣленно годъ 6762 и не уничтожаетъ при этомъ слѣдующихъ словъ подлинника: «В таже лѣта, времени минувшу,—хронографу же нужа есть писати...» (извѣстное мѣсто), а переписываетъ ихъ рядомъ съ своею хронологическою датой (Ип., 544). Вопреки показанію текста лѣтописи объ одномъ походѣ на Ятвяговъ, что онъ былъ до войны черниговской, онъ кладетъ его подъ 1248 (Ип., 531). Въ лѣтописномъ текстѣ смерть Владиміра Васильковича показана подъ 1289 г. (Ип., 606), а переписчикъ поставилъ ее подъ 1288 г.

жеть бытъ названа единственныиъ, затѣвающииъ другіе источникѡвъ для историка, стремящагося къ возможно подробному изученію этой эпохи, такъ какъ ея описано или не помѣщено немало частностей.

Для возстановленія времени различныхъ событій этого княженія, необходимо прибѣгать къ отысканію хронологическихъ указаній въ разсказѣ самой лѣтописи ¹⁾ и къ сличенію ея съ другими русскими лѣтописями ²⁾ и нѣкоторыми иностранными ³⁾. Для пополненія пробѣловъ въ содержаніи, можетъ служить, кромѣ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ ⁴⁾, значительное количество иностранныхъ источниковъ. Обиліе ихъ для разсматриваемой нами эпохи, въ сравненіи съ незначительнымъ ихъ количествомъ для временъ предшествовавшихъ, объясняется усиленіемъ сближенія Даніиловой Руси съ западомъ. Изъ иностранныхъ матеріаловъ упомянемъ прежде всего о сочиненіи Стрыйковскаго. Его трудъ—сводъ первоначальныхъ извѣстій, составленный въ позднѣйшее время, но тѣмъ не менѣе, при отсутствіи этихъ первоначальныхъ извѣстій ⁵⁾, онъ весьма важенъ для разъясненія отношеній Руси и Литвы. Обратимъ вниманіе при этомъ на добросовѣстность Стрыйковскаго въ передачѣ содержанія памятниковъ, которыми онъ пользовался, обнаруживающуюся изъ сличенія его хроники съ дошедшими до насъ литовскими лѣтописями; онъ вездѣ увѣдомляетъ о своихъ уклоненіяхъ отъ нихъ. У Длугоша находимъ извѣстія, заимствованныя изъ недошедшихъ до насъ русскихъ ⁶⁾ и отчасти изъ польскихъ лѣтописей ⁷⁾. Къ

¹⁾ Само собою разумѣется на основаніи вышесказаннаго, что хронологію Ипатскаго списка должно оставлять въ сторонѣ.

²⁾ Мы разумѣемъ лѣтописи новгородскія и суздальскія и лѣтописные своды.

³⁾ Именно:—польскими, помѣщенными у Пертца и у Соммерсберга, австрійскими, помѣщенными у Пертца и у Пеца, венгерскими, помѣщ. у Швалдтнера.

⁴⁾ Лѣтописи: Воскресенская и Никоновская, «Исторія» Татищева.

⁵⁾ Изъ нихъ для Даніилова княженія у насъ имѣется одна только лѣтопись Быховца.

⁶⁾ Сколько можно видѣть изъ сравненія его разсказа съ галицко-волинскою лѣтописью, для югозап. Руси у него была лѣтопись, отличная отъ донедней до насъ. О томъ, что онъ пользовался русскими лѣтописями, свидѣтельствуютъ его собственныя слова: «sano jam carite ad perdiscendas literas Rutenas me ipsum appuleram, quatenus Historiæ nostræ series certior redderetur» (Joannis Dlugossi sibi Longini canonici quondam Cracoviensis Historiæ Polonicæ libri XII. Lipsiæ. Anno MDCCCXI. Auctoris epistola dedicatória).

⁷⁾ Изъ послѣднихъ, по всей вѣроятности, взяты: находящееся

сожалѣнію, онъ далеко не такой безпристрастный человекъ, какъ Стрыйковский. Онъ любитъ изображать Русь и ея дѣятелей въ дурномъ видѣ¹⁾, относится недружелюбно къ порѣ славы русскихъ при Данилѣ, которая, очевидно, была ему весьма неприятна, не затрудняется представлять ихъ варварами; къ такой тенденціозности нужно прибавить склонность нерѣдко къ эффектамъ и красивымъ описаніямъ и неумѣніе иногда сладить съ громаднымъ матеріаломъ, бывшимъ въ его рукахъ, отчего происходятъ повторенія и невольныя искаженія. Менѣе имѣютъ значенія для содержанія другія польскія лѣтописи²⁾. Къ занимающему насъ времени относятся одно иностранное путешествіе³⁾. Наконецъ, есть не мало инопоземныхъ актовъ, преимущественно папскихъ⁴⁾.

Къ нашему прискорбію, до насъ не дошелъ отъ времени Данила ни одинъ русскій актъ, хотя несомнѣнно, что было много такихъ документовъ. Авторъ галицко-волынской лѣтописи имѣлъ передъ собою договоръ Данила съ венгерскимъ королемъ относительно Романа и Гергруды⁵⁾. Данилъ письменно сносился съ папою⁶⁾. Тогда развилась уже и дѣловая письменность⁷⁾. Эти памятники погибли во время

подъ 1233 г. (lib. VI, columna 649) извѣстіе объ изгнаніи католиковъ изъ Кіева и извѣстіе подъ 1238 г. объ основаніи доминиканскаго монастыря въ Галичѣ (lib. VI, col. 661—662).

¹⁾ См., напр., его рассказъ о сношеніяхъ Данила съ папой.

²⁾ См. прим. 11-е.

³⁾ Пляно-Карпини. Записокъ о путешествіяхъ къ татарамъ Анонимус'а Anglus'а (1243; см. Nakluyt's Collection, I) и товарища Пляно-Карпини—поляка Бенедикта (его рассказъ изданъ въ 1836 г. географическимъ обществомъ въ Парижѣ въ IV-мъ т. «Recueil de voyages et de mémoires»; см. Лелевеля «Polska wiekow średnich», 1854, t. IV, str. 426) мы, несмотря на все стараніе, не достали и потому не можемъ сказать, есть-ли что-нибудь въ нихъ о Россіи того времени. Не видали мы и сомнительнаго Яцкова описанія разоренія Кіева татарами (Кар. IV, прим. 9), а также сочиненія Рикарда (ок. 1240 г. «Mat» Кеппена, II, № 32).

⁴⁾ Въ собраніяхъ: Тургенева, Даниловича, Напьерскаго, Догьеля, Тейнера. Венгерскіе акты помѣщены въ собраніи Фейера.

⁵⁾ Ип., 545.

⁶⁾ *Historica Russiae monumenta, deprompta ab A. J. Turgenewio*. T. I. Petropoli. 1841. № LXXXVIII.

⁷⁾ «Курилови же сущю печатнику тогда въ Бакотѣ, послану Даниломъ княземъ и Василкомъ испясати грабительства печестивыхъ бояръ, утиши землю». Ип., 526. Можетъ быть, и Данилъ, какъ и Левъ, выдавалъ боярамъ грамоты на владѣніе землею. Въ грамотѣ 1361 г.

войнъ и пожаровъ въ XIV в. и позже, а отчасти были умышленно истреблены ¹⁾. Исчезли, можетъ быть, и лѣтописи, трактованія объ югозападной Руси отличны отъ галицко-волинской; слѣды ихъ можно найти у Длугоша ²⁾ и у Татищева ³⁾.

Задача настоящаго труда—указать и объяснить, посредствомъ сравнительно-критическаго изученія источниковъ русскихъ и иностранныхъ въ возможно большемъ ихъ количествѣ, замѣчательнѣйшія явленія княженія Данила Галицкаго, которыми опредѣляется историческое значеніе этого княженія ⁴⁾.

Казиміръ говоритъ: »примедни предъ наше *обличє* слуга нашъ вѣрный Ходко Выбелскій и указать есть князя Львовы листы, и *иныхъ старыхъ князий листы*...«

¹⁾ Д. И. Зубрицкаго »Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси« (М. 1845), стр. 80—84. »Наук. сборн., изд. литер. общ. Галицко-русской Матицы«, 1865, вып. III, стр. 182.

²⁾ См. прим. 14-е.

³⁾ Татищевъ пользовался для исторіи Галича и Волыни не галицко-волинскою лѣтописью, которой ему было извѣстно только начало (именно характеристика Романа, находящаяся въ Ип. подъ 1201 г. См. М. П. Погодиша »Карамзинъ по его сочиненіямъ, писемамъ и отзывамъ современниковъ« (М. 1866), II, 126), а какою-то другою (сл. его »Исторіи Россійской«. Кн. I, ч. I (М. 1768), стр. 59, 61—62 и кн. III (М. 1774), прим. 589, 602), писанною не на мѣстѣ. Оттого у него, при подробностяхъ, отсутствующихъ въ галицко-волинской лѣтописи, встрѣчаются перѣдко неточности въ извѣстіяхъ, понятныя только при отдаленности лѣтописца отъ пунктовъ, въ которыхъ совершались описываемыя событія. Такъ, о Владимірѣ Игоревичѣ онъ говоритъ, что послѣдній самъ изгналъ Романоичей изъ Владиміра-Вол. (кн. III, 351; сл. Ип., 481); Мстиславъ беретъ у него Галичъ и въ первый разъ съ боя (тоже у Длугоша: lib. VI, col. 605; сл. Ип. подъ 1212, 489); Татищевъ не знаетъ взятія Игоревичей Венграмъ при помощи Галича (о немъ см. Ип., 1205, 483; сл. Тат., III, 364—365 и потомъ 371—372) и т. п.

⁴⁾ Эпоху Данила, ознаменовавшуюся поворотомъ въ жизни югозап. Руси, мы начинаемъ съ перваго выступленія Данила въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля, т. е. со времени перваго прибытія Мстислава въ Галичъ. Оно же случилось въ 1219 г. [Полное собраніе р. лѣтописей, т. III (Слб. 1841), 37, и I (Слб. 1846), 216, а также VII (Слб. 1856), 126; Соф. Врем. по изд. Строева (1820), ч. I, 229; въ этихъ лѣтописяхъ исправильно только говорится о плѣненіи Коломана, которое совершилось не въ этотъ разъ; этотъ рассказъ повторенъ подл.

I.

Въ концѣ XII уже столѣтія мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ персодовыхъ русскихъ людяхъ сознание необходимости болѣе прочнаго строя, чѣмъ тотъ, который господствовалъ въ тогдашней Руси. Пѣвецъ Игоря Святославича такъ объясняетъ причину невзгодъ русской земли: «...Убуди жирна времена. Усобица княземъ на поганяи погыбе, рекоста бо братья брату: се мое, а то моеже, и пачаши князи про малое се великое

1218 г. и въ Никоновской лѣтописи («Русская лѣтопись по Никонову списку, изданная подъ смотреніемъ Императорской Академіи наукъ». Ч. II, Спб. 1768, стр. 341); у Татищева (III, 417) первое занятіе Галича Мстиславомъ также отнесено къ 1218 г.; можетъ быть, эти противорѣчія можно примирить, допустивъ, что походъ Мстислава былъ предпринятъ въ концѣ 1218 (мартовскаго) и въ началѣ 1219 (мартовскаго). И. Д. Бѣляевъ («Разказы изъ р. исторіи», кн. 2-я, изд. 2-е, гл. 1-я, М. 1861, стр. 286) и С. М. Соловьевъ («Исторія Россіи», т. II, изд. 3-е, М. 1862, стр. 359) относятъ его ошибочно къ 1215 г.; ихъ соблазнили, вѣроятно, свидѣтельство нѣкоторыхъ лѣтописей, что еще въ 1215 г. Мстиславъ Мстиславичъ удалялся изъ Новгорода въ Кіевъ (П. с. р. л., III, 32; I, 211)—проситъ Галича, по словамъ нѣкоторыхъ (П. с. р. л., VII, 119; Ник. III, 318; сл. Татищ. III, 382—383, 401—402); въ Ник. (III, 317); о томъ же говорится еще подъ 1214 г., къ которому отнесено это событіе и въ Воскрес.]. А. С. Петрушевичъ кладетъ занятіе Галича подъ 1217 г. («Галицкій историческій сборникъ, изд. общ. Галицко-русской Матицы», вып. II, Львовъ 1856, стр. 20). Съ нами согласны: Н. М. Карамзинъ («Ист. Госуд. Росс.», изд. Эйнерлинга, кн. I, т. III, прим. 189, стр. 86), Зубрицкій («Ист. гал.-р. княж.», III, 67) и Н. И. Шараневичъ («Исторія галицко-володымирской Руси», Львовъ 1863, стр. 75)]. Около этого же перваго занятія Галича Мстиславомъ, мать Данила, видя его уже взрослымъ, принимаетъ монашество (Ип., 490), хотя послѣ того не отреклась совершенно отъ участія въ политическихъ дѣлахъ, касавшихся ея сыновей (см. Ип., 492 и 548). Умеръ Данилъ не ранѣе осени 1263 г. и не позже осени 1264 г. Мы такъ думаемъ потому, что объ его смерти говорится въ гал.-вол. лѣт. вскорѣ послѣ описанія убійства Миндовга и передъ описаніемъ кометы (Ип., 570), а эта комета была видна въ теченіе 80 дней въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 1264 г. (см. *Annales Wratisl.* у Perz'a, XIX, p. 528; см. *ibid.*, 601; *ibid.*, IX, p. 560. *Pez. »Scriptores rerum Austriacarum* T. I. Lipsiae. MDCCCXXI, p. 464 и т. д.). Въ Густынской лѣт. смерть Данила показана подъ 1262 г. (П. с. р. л., II, Спб. 1843, стр. 343); у Сарницкаго (*Annales, sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituanorum libri octo. MDLXXXVII*, p. 283: «1264. Russi et Tartari fusi et profligati a Polonis ad Pietam campum.